

ISSN 2311-603X

ПЕТЕРБУРГСКИЙ 2/2018
ИСТОРИЧЕСКИЙ

исследования по российской и всеобщей истории

ЖУРНАЛ

З. В. Дмитриева, С. А. Козлов

«Движение повсюду и перемена ужасная!» Письма П. А. Болотова А. Т. Болотову 1796–1797 гг.

Обращение к эпистолярному наследию позволяет день за днем проследить частную жизнь людей в контексте эпохи, увидеть их мир «изнутри», понять смысл, которым они его наполняли, а также изучить образ жизни человека, душевные переживания, воспоминания, тревоги и надежды на будущее. Сохранившаяся в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга и Перми переписка Павла Андреевича Болотова показывает становление личности русского дворянина под воздействием провинциальной повседневности и воспитания его отца, Андрея Тимофеевича Болотова, высокообразованного и деятельного человека эпохи Просвещения¹.

А. Т. Болотов был счастлив в семейной жизни. В 1764 г. он женился на Александре Михайловне Кавериной, с которой прожил без малого 70 лет. У них родилось девять детей, в числе которых сын Павел (1771–1850). Во всех своих начинаниях Болотов имел в нем надежного и преданного помощника. В 1779 г. он создал в Богородицке первый в России детский театр, и в написанной им пьесе «Честохвал» главную роль примерного мальчика Клеона исполнил Павел Болотов. Многие годы А. Т. Болотов занимался созданием пейзажного парка вокруг Богородицкого дворца-усадьбы, и Павел всячески помогал ему в этом. Мир реальности и грез отец и сын Болотовы отразили в созданных ими акварелях с видами пейзажного парка. Из многочисленных рисунков они сделали большую «картинную книгу». Любимым увеселением Павла стала музыка, также он много читал. Книжные пристрастия формировались под воздействием

библиотеки отца, насчитывавшей сотни книг и периодических изданий на русском, немецком, французском языках. А. Т. Болотов более полувека вел «Журнал вседневных событий» и делал ежедневные записи в «Книжке метеорологических замечаний»². Широко известны его автобиографические записки, содержащие богатейший материал о культуре и быте России XVIII в.³ Павел, во всем следуя примеру отца, также вел дневник. Одним из первых был «Настольный календарь, или Ежедневные записки Павла Болотова за 1787 г.»⁴

После отъезда Павла Болотова в 1789 г. в Петербург для вступления на военную службу началась его переписка с отцом. Однако не прошло и года, как Павел Болотов получил увольнение от военной службы с чином капитана армии и возвратился в Богородицк. В 1796 г. он занял «место судейское» — асессора уголовной палаты в Туле и возобновил переписку с отцом, продолжавшуюся вплоть до 1820-х гг. Часть переписки П. А. и А. Т. Болотовых, которая велась в 1803 и 1825–1826 гг., опубликована⁵. Е. Н. Марасинова связывала появление в последней трети XVIII в. писем-отчетов отцу с новой тенденцией в развитии эпистолярных источников, которая в конечном счете определила качественный скачок в эволюции бытового документа, постепенный переход от наивного информативного письма о событиях повседневной жизни к доверительному размышлению-исповеди⁶.

В приложении публикуются пять писем П. А. Болотова, отправленных отцу из Тулы в Богородицк 21, 22 октября, 10, 12 ноября 1796 г. и в Дворяниново 29 апреля 1797 г. Это было время перемен в стране, а также в карьере и судьбе Болотовых. 6 (17) ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II. «Сию новость», «великую и важную для всех», Павел Болотов называл в письме отцу «всеобщей потерей» «благодетельницы матери Отечества». При этом он заметил: «...наступило теперь время самое интереснейшее и только, что и готовся слышать новости». Но уже 31 декабря 1796 г. Павел Болотов с горечью отмечал: «...открылось, что все ожидания было пустое и напрасное <...> и новой (огромной) Воинский устав, о котором страх послушать <...> основан весь на ужасных и чрезвычайных строгостях и многое очень ограничено»⁷. Павел Болотов постоянно сообщал отцу обо всех нововведениях.

Перемены затронули и А. Т. Болотова, круто изменив его судьбу. Дело в том, что император Павел I признал внебрачного сына Екатерины II А. Г. Бобринского своим братом, возвел его в графское достоинство и произвел в генерал-майоры конной гвардии. А. Г. Бобринский был также пожалован (купленными ему Екатериной II) дворцовыми имениями в Богородицкой волости, управителем которых с 1776 г. являлся А. Т. Болотов. В сложившихся обстоятельствах Андрей Тимофеевич подал в отставку и уехал в родовое имение в Дворяниново. Как заметил А. П. Бердышев, имея за спиной около шести десятков лет, Болотов не желал входить к кому-то под начало⁸.

Гражданская служба П. А. Болотова «ознаменовалась чувствительной неприятностью» — смертью 7 октября 1796 г. тульского и калужского наместника,

генерал-аншефа Е. И. Кашкина, который был «благоприемным и дружелюбным» покровителем семьи Болотовых. Вместе со знатными людьми Тулы Павел Болотов «навестил в горести» дочь покойного Евдокию (Авдотью) Евгеньевну Кашкину (Боборыкину) и вице-губернатора Лукьяна Ивановича Боборыкина.

22 октября 1796 г. Павла Болотова по рекомендации председателя Тульского уголовного суда И. И. Беляева «довольно благосклонно» принял гражданский губернатор А. И. Лопухин и назначил «час для присяги», к которой он был вскоре приведен в наместническом правлении. «Тотчас произведена была сия церемония, довольно для меня щекотливая, ибо в первой еще раз <...> обязывался я священной клятвою служить верно государю и отправлять безпорочно свою должность»⁹, — сообщал Павел Болотов в письме отцу. И далее ассессор Тульской уголовной палаты поведал о первом рабочем дне на службе, когда ему пришлось впервые в жизни подписывать «жестокия решения судеб несчастных убийц и преступников». «Признаюсь вам, — писал Павел Болотов отцу, — что я исполнил сие не прежде, как по внятном прочтении существа дела, и удостоверясь, что они достойны наказываться по предписаниям правосудных законов. Но сердце мое все-таки сильно, очень сильно билось при подписывании сих первых приговоров»¹⁰.

Письма Павла Болотова наполнены впечатлениями от посещения театра и маскарардов. Не без иронии он сообщал отцу о представлении «проезжим чужестранцем» разного рода фигурных картин *transparentes*, которые вызвали у публики недовольство как не оправдавшие ожидания; также он сравнивал их с подобными опытами в Богородицке¹¹. Так, 10 октября 1784 г. А. Т. Болотов в «Записках» упоминал о том, как ему с сыном удалось смастерить «пронизочную иллюминацию» с изображением на ней вензеля калужского и тульского наместника М. Н. Кречетникова. «Она походила почти во всем на те пронизочные вставки в окнах, каковые и теперь еще у меня хранятся и которые всех, выдающих их, приводят красотою своею в приятное удивление. При сем случае впервые вздумали мы делать сего рода прекрасные дневные и вечерние иллюминации из толстой политуры (картона), которая оказалась несравненно к тому способнее листов железных»¹², — писал с восторгом А. Т. Болотов.

10 ноября 1796 г. Павел Болотов побывал в театре в Туле, где были «представлены» комедии Я. Б. Княжнина «Хвостун» и П. А. Д. Метастазиио «Необитаемый остров», в вольном переводе с французского языка В. И. Лукина¹³. Он с нескрываемым любопытством смотрел любимую комедию «Необитаемый остров» и игру актеров, вспоминая, как в 1779 г. эта пьеса была поставлена в созданном А. Т. Болотовым театре в Богородицке, и где он, 8-летний мальчик, играл роль матроса. О своих впечатлениях Павел писал отцу: «У нас она была лучше представляема или по крайней мере много бы надобно поправить игру здешних актеров и все театральные представления»¹⁴.

В письмах Павел Болотов упоминает о сестрах: встречах с Елизаветой и Анастасией, отправке «скляночки для чернил» Надежде, интересуется «делами»

Ольги; о поездках к родственникам П. И. и М. И. Воронцовым-Вельяминовым, в «дружественные дома» к Волконским и П. Н. Юшкову.

Рутинные «судебные занятия» в Тульской уголовной палате быстро наскучили Павлу Болотову, и уже 29 апреля 1797 г. (менее чем через полгода после вступления в должность) в письме отцу он предался рассуждениям о «приятности свободы деревенской жизни» и выразил желание возвратиться в родовое имение Дворяниново.

Публикуемые в приложении письма П. А. Болотова хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ), ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А. и М. П.), д. 111. Об их поступлении упоминается: Краткий отчет рукописного отдела за 1914–1938 гг. / Под ред. Т. К. Ухмыловой и В. Г. Геймана. Л., 1940. С. 97. Письма были переплетены А. Т. Болотовым в отдельный том. Письма написаны четкой мелкой скорописью одной рукой. Филиграни не просматриваются. Текст публикуется без сокращений, с сохранением орфографии рукописи, разделен на абзацы исходя из содержания. Сохранены также восклицательные и вопросительные знаки, скобки в тексте писем. Сокращенные слова восстановлены нами в квадратных скобках. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами. Примечания к тексту обозначаются буквами русского алфавита.

Приложение

Письма П. А. Болотова А. Т. Болотову 1796–1797 гг.

№ 1

(л. 1) Из Тулы. 21 октября 1796

Милостивой государь батюшка Андрей Тимофеевич!

Отделясь от вас на некоторое время, учинив переселение из места всегдашнего моего доселе с вами пребывания, и начиная с вами, батюшка, новую переписку, следовало бы мне по введенному обычаю принести вам за все и за всё благодарность мою в самых витийственнейших выражениях. Просить потом о продолжение вашего милостиваго ко мне расположения и обещать с своей стороны всевозможно вам то заслуживать во всю жизнь мою и проч[ее] и пр[очее]. Но мне кажется не излишней ли, что будет светской церемониал, ибо я льщу себя надеждою или (лучше сказать) я очень уверен, что вступление мое в новой род жизни, и перемена обстоятельств наших не переменит по милостивой вашей любви ко мне той взаимной неоцененной связи, которая навсегда должна составлять наше щастие, и которую особенно я должен гордиться и хвастатся.

(л. 1 об.) И так оставив напрасное изъяснение словами всего того, что на-

писано в глубине сердца, приступлю лучше к чему-нибудь вещественнейшему. Вы желаете, например, чаще слышать обо мне и о всем том, что встретится и произойдет со мною замечательного. Ваше желание есть для меня закон приятный, и на сей раз такой закон, которой выполнять старатся буду тем охотнее, что могу надеяться и от вас равно получать сие интересныя уведомления, драгоценное для меня возмездие!

Получение от вас писем будет приносить мне всегда множество удовольствия, а ответствование на оныя будет для меня приятнейшим занятием и утешением в разлуке. Следовательно, новая сия переписка или заочныя разговоры будут служить так, как уже и прежде случалось, великою заменою моей от вас отлучки, и может даже приносить взаимно такія приятныя минуты, какими не всегда можно пользоваться, находяся всегда безпрестанно вместе.

(л. 2) Я расскажу вам прежде всего о своем войяже. Полагая, что вы от встретившагося со мной одного человека слышали уже, что я, разставшись с вами, не поспел в тот день ночевать в Деделове. Прибавлю к тому еще то, что ужасная грязь и дурнота дороги чуть было не довели ночевать другой раз на дороге, и что с трудом уже и почти против чаяния поспел я вчера в Тулу к самому уже вечеру.

Самыя первыя минуты моего сюда приезда ознаменовались чувствительною неприятностью. Не застав своих хозяев дома, спрашиваю: «Куда они поехали?» Отвечают мне, что поехали к виц-губернатору навещать в печале. «Что за навещение такое? И в какой печали?» — спрашиваю я поспешно. «Да разве вы, сударь, еще не слышали, что тесть его, Евгений Петрович, скончался». «Ах, Боже мой! Как это? Давно ли? Полно, правда ли?» «Точно так!» Вчера-де получено сюда это известие из Петербурга, и вся Тула севодни съезжается к Авдотье Евгеньевне для навещения в горести.

(л. 2 об.) Признаюсь, что сия новость была для меня весьма поразительна и не ожидаема. Я долго не хотел поверить, да и теперь очень желал бы, чтоб это была неправда. Но, ах! Уже воротить нельзя, он точно оставил свет сей 7-го числа сего месяца, вытерпев множество жестоких операций, которыя, наконец, его умили. 10-го числа происходило церемониальное погребение, при котором по особенному приказанию государыни находился большой отряд Семеновскаго полку, и офицеры несли (говорят) гроб на себе до самага А[лександро]-Невскаго монастыря, где привел его Бог лечь навеки.

Сказывают, что покойник до самой последней минуты жизни был в совершенной памяти, не только исполнив всё по христианскому долгу, но даже читал сам и отходную, сохраняя твердость духа, кроме того, что крайне огорчался и сожалел о участи оставшихся дочерей весьма небогатых. Лежал же он в постеле одну только ночь. Сюда прислан к городничему один из погребальных билетов, коих там, сказывают, разошлось до 300. (Прислан, говорят, с сею ж почтою и имянной указ губернатору о полном покуда управлении сею губерниєю). Катерина Ив[ановна], перевезенная тотчас по смерти его в дом Лазарева, а равно и дети огорчены (пишут) до крайности, а сама то больна ж, в постеле.

(л. 3) Да и здесь в Туле весьма почувствовали сию потерю, а особливо все родные, все взысканныя и облагодворенныя покойником, сильно огорчены все. И натурально! Вряд ли зделал он кого-либо несчастным, а более оказывал ко всем снисхождения. Но еще более почувствуют утрату сию в случае приемника не столь добраго, кого-то Бог даст нам на его место. Многих уже очень жалуют на его место, но нет еще ничего вернаго. Но кто бы ни был, но всё не нажить нам собственно для себя столь благоприемнаго и дружелюбнаго наместника. И для меня особенно неприятно, что при первом шаге вступления моего в штатскую службу встретилось такое печальное приключение, каково есть лишение добраго начальника. Но оставлю сей искренней панигирик, дай Бог ему Царство Небесное, а нам нажить добраго человека. Бог милостив, может быть, и в будущем найдем к себе таково ж благодетеля.

Обращусь лучше к себе и расскажу вам о вступлении своем в должность судейскую и о всем, что со мною происходило замечательнаго в нынешний день, которой должен быть для меня навсегда достопамятным.

*ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А и М. П.). Д. 111. Л. 1–3.
Автограф. 11,5×19.*

№ 2

(л. 3 об.) 22-го числа октября [1796]

Не успев вчера продолжать, но кончаю сие письмо от поспешнаго отправления, а вместо того, послав к вам с излишними лошадьми своими краткое уведомление о всем со мною вчера происшедшем. Теперь, пользуясь свободными минутами, опишу вам оное пообстоятельнее.

Снарядясь довольно рано и побывав у начальника своего Ив[ана] Ив[ановича] Беляева для обрекомендования себя и у Верещагина для возблагодарения за все его старания обо мне без всякой нашей прозбы, являюсь я потом к губернатору, которой принимает меня довольно благосклонно и назначает час явится к нему в правление для присяги. В ожидании онаго, побывав еще в нескольких дружелюбных к себе домах, как то у Юшкова, у городничаго и у Кадеуса, приезжаю в наместническое правление, где отец Кир, протопоп соборной, по изустному приказанию губернатора ожидал уже меня. Тотчас произведена была сия церемония, довольно для меня щекотливая (ибо, в первой еще раз, как самим вам известно, обязывался я священной клятвою служить верно своему государю (л. 4) и отправлять безпорочно свою должность, в чем при помощи Божией осмеливаюсь довольно на себя надеяться). Я осыпан был потом со всех сторон поздравлениями, и через несколько минут ваш сынок очутился сидящим за красным столом и слушающим уже весьма важныя дела, касательно почти до жизни нескольких людей.

А севодни (прибавлю вам) при вторичном заседании уже подписывал жестокия решения судеб несчастных убийц и преступников. Признаюсь вам, что я исполнил сие не прежде, как по внятном прочтении существа дела, и удостоверюсь, что они достойны наказываться по предписаниям правосудных законов. Но сердце мое все-таки сильно, очень сильно билось при подписывании сих первых приговоров. Однако председатель наш, приметив, может быть, мою излишнюю в сем пункте чувствительность и человеколюбие, подкрепил мое мужество, показав вкратце все строгия предписания законов при наказании умышленных злодеев. И по прозбе моей снабдил даже меня некоторыми (л. 4 об.) важными бумагами для списания, что ему самому было приятно. Да и вообще вам скажу, что, кажется, я успел уже приобрести от него к себе любовь и доверенность, и нахожу в нем человека достойного уважения и искренняго почитания.

Обеими своими советниками стариками я также очень доволен, так как людьми нарочито уже знакомыми. Я не преминул еще вчера после присудствия побывать у обеих их с почтением моим, и князь Волконской не отпустил меня на первой раз без обеда, да и Челищев (титующий всё меня дружным сыном) убедительно звал меня завтра к себе обедать. Севодни ж обедал я у почтеннаго приятеля своего г[осподина] Юшкова, которого искренними ласками я более всех обязан.

Касательно еще до вчерашняго дня, то удалось мне еще вместе с прочими быть в театре, где один проезжий чужестранец показывал особеннаго рода штуки и фигурныя картины transparentes, освященные огнем некоторым новым образом. Я расскажу вам о том подробнее при свидании, а теперь примольвлю только, что он навлек на себя всеобщее негодование за зрелище, не соответствовавшее ожиданию всех. И в самом деле наши пронизочныя картины зделали бы несравненно более удовольствия.

ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А и М. П.). Д. 111. Л. 3 об. — 4 об.
Автограф. 11,5×19.

№ 3

(л. 18) Тула 10-го ноября 1796

Вот и еще оказия! Как пропустить ее, чтоб не засвидетельствовать вам, милостивый государь батюшка, наиусерднейшаго моего к вам почитания и не донести о себе, что, я нахожусь, слава Богу, благополучен! Поспешность отъезда домой мужика или извозчика, возившаго от вас из Богородицка городнических детей^а, не позволяет мне разпространится сим письмом, а скажу вам только кое-что о себе после третьюводнишняго моего к вам письма.

^а В ркп под знаком вставки (+) на нижнем поле добавлено от коих услышал, что хотя вас не было при отъезде их из Богородицка, но что вы благополучны и поехали на освещение к К[атерине] А[ртамоновне] Бакуниц[ой]. Порадовала. Вставленная фраза прерывает повествование письма.

Проводив своих хозяев к Остафье[ву], я недолго был один с сватом Мих[аилом] Ив[ановичем] и детьми своими, но вскоре после обеда подъехали к нам еще и сестра Настя с Петром Ив[ановичем], приехавшие к вчерашнему театру. И так вчерашний день, побывав кое у кого, я большую часть дня провел вместе с ними, а, наконец, были вместе и в театре, где представлены были «Хвастун» и «Необитаемый остров». (л. 18 об.) Вы, верно, догадаетесь, батюшка, что последнюю пиесу смотрел я тем более с любопытством, что она была представлявана нами на нашем богородицком театре, была лучшенкою почти пиесой, и из которой матросскую ролю свою я и теперь почти всю помню. Любопытствовал видеть, как ее здесь играют, и думаю безпристрастно, что у нас она была лучше представляема, или, по крайней мере, много бы надобно поправить игру здешних актеров и все театральныя представления. Но я разглагольствую слишком в сих побочностях. Вручитель сего письма добивается отпуска! Поспешу его удовлетворить и вкратце скажу только еще о себе или о всех нас.

Севодни присутствие у нас в полате было полное, впервой еще раз при мне это случилось, и была важная трактация об одном криминальном деле, где много надобно голову поламать, а особливо по тому обстоятельству, что приговор (до меня еще определенной) не одобрен губернатором и возвращен для перерешения. Причем, (л. 19) однако, встречаются многия затруднения, так что не дошло б дела (избегая при дальнейших следствиях сенатского охуления, а может быть и штрафа), не дошло б говору до того дела, чтоб не пошло у нас на голосах. Почему, как ни страшно дело своею огромностию, но я принялся за него пристально со вниманием и взял на себя читать вслух своим сочленам все с начала и со своими разсуждениями и замечаниями, дабы поступить всем с надлежащею осторожностью при таком щекотливом деле. Когда увижусь, то могу рассказать вам всё подробно, и ежели это еще попродолжится, то попрошу в том и совета у вас. А у меня, право, теперь ажно все мысли тем заняты и тем безпокойнее, что дело сомнительное и темное, хоть с другой стороны, кажется, и довольно ясное.

Сестра Лизавета Анд[реевна] севодни поутру от Остафьевых возвратилась, и Воронцовых наших убедили мы остаться до четверговаго маскарада. Теперь обе сестры поехали в гости кое к кому, г[оспо]дин Воронцов также там остался ночевать вечер с г[осподами] Бабушкиными. Но вот опять и г[оспо]да Воронцовы с Осипом Михайловым.

(19 об.) Мы квитаемся с вами, забывая при отправлении посылать, то о чем писано в письме. Так и я в последний раз упоминал о письме с[естре] Надежде Андр[еевне] и о скляночке для чернил, но второпле послать забыл и теперь посылаю.

По письму севоднишнему из Петербурга от Перхурова узнали мы, что он идет в отставку и сюда уже не будет. Катерина же Иван[овна], сказывають, подавала письмо к государ[ыне], и обещено оставить за нею навсегда некотор[ые] доходы покойнаго Евгения П[етровича], как то лифлянская гаки и прочее. Впрочем, дальнейших новостей здесь никаких нет.

Свидетельствуя к вам, милостивыя государыни бабушка и матушка, мое нижайшее почитание. Желая вам всем от усердия моего великаго на свете блага, и целуя мысленно ваши ручки, остаюсь ваш вернопокорнейший сын Павел Б[олотов].

И тебя, Катенка, мысленно целую, дети находятся все благополучны.

Р. С.: Не худо кабы вы, батюшка, по предложению своему изволили при-слать еще несколько денжонок, ибо в оных у меня обстоит великая крайность. К тому же и за вас еще затрачено несколько. Я ожидаю от вас известие с кибиткою и прошу покорно о присылке при сем моего тулупа, ежели оной поспел. Желал бы кабы можно и Ваську портнова, ибо здешней Семка очень болен, а шитья у меня будет довольно.

*ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А и М. П.). Д. 111. Л. 18 — 19 об.
Автограф. 11,5×19.*

№ 4

(л. 20) Тула от 12-го ноября т[ого же] г[ода] в среду ввечеру

Милостивый государь батюшка!

Сейчас, возвратясь из гостей, нашол на столе ожидающую меня приятнейшую для меня (от вас) почту. Сколько обрадован был сим получением, столько ж раздосадован неприятными вашими уведомлениями. Еще распечатывая конверт, предсказывал себе такую находку и не ошибся, истинно разрывается сердце, слыша о таковых подлых, мерзских поступках притеснителей человечества, но замолчу лучше! Бог с ними. Стану утешать себя тем, что получил об вас уведомление, что находитесь все благополучны. Сие для меня всего приятнее и драгоценнее слышать, но за многое ваше писание и за столь обстоятельное о всем уведомление, а равно за все старания ваши о доставлении ко мне всякой всячины, я не знаю, как найти слов к изъяснению моей благодарности. Так, ежели бы я призвал на помощь всё красноречие, тогда бы всё казалось мне мало. Но довольно, чувствую я оную в глубине сердечной, и теперь к вам оную воссылаю. (л. 20 об.) Прочитав с алчностью все ваши интересные для меня начертания, я поспеваю приступить к соответствию на оныя, чтоб пользуясь сею присылкою, воспользоваться сим немногим остальным вечерним временем для написания к вам, дабы завтра же можно присланных людей и назад к вам отправить, а особливо для того, чтоб сообщить вам о весьма важном известии, которое ежели еще не дошло до ваших мест, то должно сделать сие письмо мое важнейшим может быть из моих к вам писем.

Ах, батюшка! Ежели вы в самом деле ничего еще не слышали, то верно поразитесь также сим известием, как мы вчера ввечеру при получении его.

Не желал бы, кажется, чтоб и уведомлять о том, но что делать! Ежели это было не так близко ожидаемо, то было давно предвидимо. Удар, наконец, совершился, и Россия осиротела. Так! Ее уже нет! Сей великой премудрой государыни Она скончалась 5-го^b числа сего месяца, бывши больна не более одного дня, так, по крайней мере, гласят слухи и партикулярныя известия, ибо от новаго правительств[ва] нет еще ничего в народе, да и некогда.

(л. 21) Вчера разпространилась здесь печальная сия весть, но не очень достоверно, или лучше сказать, не хотелось тому верить. Севодни же всё то подтвердилось проскокавшими ночью и днем курьерами в разныя места государства у коих подорожныя даны уже по указу его императорскаго величества государя Павла Петровича, и по обыкновению подписаны ближайшею к престолу особою, т.е. велик[им] кн[язем] Александром П[авловичем] и обер-комендантом петербургским. В Москве же, видно, это получено формально, ибо у проехавшаго также севодни или теперь только недавно днем курьере из Москвы в Орел подорожная от губернатора написана также под именем нового императора. И из Москвы, говорят, как главнокомандующий, так несколько и других знатных поскакали в Питер. Словом, движение повсюду и перемена ужасная. Дай только Бог, чтоб всё было спокойно, и чтоб мы были благополучны под правлением новаго государя, с которым честь имею вас теперь поздравить.

Но ах! Какое ужасное впечатление произвела во всех сия новость. Севодни весь город уже о том узнал, и везде всеобщия и одни разговоры только о сем предмете. Да и есть о чем! Велика и важна для всех сия всеобщая потеря (л. 21 об.) Многие весьма должны быть огорчены. Конечно, не известно, может Бог милостив, и мы будем небезщастны! Но все произойдут великия важныя перемены, а какия важныя влияния произведет сие произшествие не только на соседственныя государства, но даже и на все политическыя обстоятельства всей Европы, или лучше сказать, всего Света, а особливо при нынешних положениях? О том предоставляю судить и размышлять самим вам, а у меня и без того весь день была тем голова наполнена. В разсуждении даже собственныя наших обстоятельств должна произойти великая перемена. Но да будем все в воле Всемогущего Бога, он не оставит своею милостию всех уповающих на него. Надобно просить его только о покровительстве.

Еще другая севодни новость здесь та, что один курьер из Полуденных пределов превез в П[етербург] известие о смерти графа Валериана Зубова^c. Но более не могу писать. Мысли очень удручены, и сон склоняем. Желал бы весьма видется теперь с вами и об многом переговорить. Не знаю сам, удастся ли мне видется с вами на сей неделе, и о самой езде в Симаково также ничего верно не знаю, а особливо ежели вы вряд туда поедете ль. Теперь простите. Завтра отправляю сие письма.

^b В ркп дата указана ошибочно, правильно — 6 ноября.

^c В ркп сведения о смерти В. А. Зубова ошибочны, он скончался 21 июня 1804 г.

^dАх! Батюшка, какие здесь италианцы с славными картинами, но уже досыто насмотрелся я новейших эстампов. Жаль, что вы не видели.^{d4}

*ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А и М. П.). Д. 111. Л. 20—21 об.
Автограф. 11,5×19.*

№ 5

(л. 130) Тула 29 апреля 1797

Милостивый государь батюшка!

Благодарю, благодарю опять вас препокорно и чувствительнейше за ваше много и приятнейшее для меня писание. Вчера перед вечером, возвратясь из полаты, сколько нашел для себя радостей и пищи для приятного любопытства. Сперва встречается со мною Федор Ив[анович], приехавший по некоторому важному для себя делу, в чем и мы все очень интересуемся. От него узнали мы о бабушке и об Ольге Андр[еевне], что оне находятся, слава Богу, благополучны. Потом является Елисей, приехавшей из Головлина с письмами от наших Воронцовых, а, наконец, подают и от вас целую кипу с письмами и с множеством присылок. Сколько ж для меня чтений и сколько разных занятий! Коротко вам сказать, что для меня сей вечер был очень приятен. Как ни разслабели от усталости сего дня, но я рад бы еще и вдвое более читать ваших заочных со мною разговоров и, повидавшись мысленно со всеми любезными своими родными, *(л. 130 об.)* особенно насладился тем чрез ваше письмо. Точно как будто побывал у вас и взглянул на ваше житье-бытье, и всё время-провождение, и работы.

Однако признатся со вздохами, для чего это точно не лично и для чего я теперь не с вами вместе. Как ни живо вообразить вас, но всё как будто во сне. Однако я вознаграждаю уже то несколько кратным прочитыванием, а особливо некоторых мест вашего письма, которыя более меня разтрогивают и приносят удовольствие. Слышанное, однако, с некоторою завистью, что наслаждаетесь такое приятною, хотя многоработную, но спокойнейшею и, всё можно сказать, гораздо веселейшею жизнью, нежели мы, заключенныя в пыльные городские улицы, и особливо в теперинейшее приятнейшее время очень чувствительно, а особливо для меня, впервой еще это претерпевающаго.

Признаюсь, что наступление весны со всеми своими приятностями и то, что при нынешних обстоятельствах я совсем лишон удовольствий веселится оными по обыкновению, а, напротив, должен почти безпрестанно с утра до вечер всё время употреблять наскучныя судейския занятия при стуке ездущих мимо полат наших по мостовой экипажей вместо музыки вешних птичек и не наслаждаются даже благоразтворенностию и чистотою деревенскаго воздуха.

^{d-d} В ркп написано на левом поле.

(л. 131) Всё это еще более час от часу делает мне несносною нынешнюю мою участь, и заставляет ежечасно вспоминать приятность свободы деревенской жизни, и ежечасно познавать более истинную цену оной. Познавал, и желаю скорее опять в оную возвратиться. Но я дохожу до малодушия. На сей раз, видно, потерпеть немного, а там, а там, верно, я не буду никогда городским жителем или, верно, буду себя считать несчастливым, ежели каким-нибудь стечением обстоятельств приневолен буду еще стонать в оковах городской жизни, а особливо в вешнее и в летнее время, но не отчаеваюсь, авось-либо я буду наслаждаться свободой и счастьем прямо деревенского жителя. Пропадай они все, чины и почести, а особливо при нынешних обстоятельствах. А до тех пор буду уже себя утешать хоть слабым воображением, что ежели удастся мне когда к вам приехать или ж надолго и порядочно отпросится в отпуск, то какая будет для меня радость по приезде к вам. Какие сюрпризы? Какая обновки? И вообще, какие новые удовольствия! И в наступающем месяце непременно это надобно будет исполнить.

В заключении сей материи, произведенной вашим письмом, скажу вам, что я не только прочитал давиче всё оное еще вслух сестре Лизавете Анд[реевне], но даже отправлю его теперь в Головлино, чтоб и сестра Наста[сия] разделила с нами удовольствие знать о всем вашем (л. 131 об.) занятиях, и вкупе порадовался также, что вы достигли опять такой жизни, которая, вас занимая чрезвычайно, доставляет притом много удовольствия и приспокойное положение духа. Я знаю, что сестра будет мне за то благодарна и, думаю, будет просить, чтоб и впредь я к ней сообщал все ваши письма, а она, верю, будет ко мне обращать всё в целости.

Федор Иванович севодни же поутру уехал обратно. Поспешает к Ольге Анд[реевне], которая, однако, еще неизвестно когда наверное родит. Ну, в самом деле хорошо б вам здесь того дождатся. Главная же причина его сюда приезда есть хлопотанье по новому указу о разборе дворянства. Ибо сказать вам какую радость: ведь открывается, что они точно старинные дворяне, и у дяди их есть и настоящая жалованная грамота, еще царем Мих[аилом] Федор[овичем] самим подписанная, которую дядя по ссоре не выдавал, а теперь легко могут выхлопотать настоящее родовое дворянство, а особливо при помощи кое-кого. А нужно б в самом деле это очень, чтоб свершилось как для самих их, так и для нас бы весьма бы не худо. Дай только Бог, чтоб ничто не помешало. Исленьев тогда напротив шол, а теперь верно и он не откажет в помощи. И герб могут получить.

ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А и М. П.). Д. 111. Л. 130–131 об.
Автограф. 11,5×19.

¹ См. например: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А. и М. П.). Ф. 608 (Собрание И. В. Помяловского). Оп. 2; Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. Ф. 69 (Собрание А. Т. Болотова); Отдел рукописей Института русской литературы

- РАН. Ф. 537 (А. Т. Болотов); Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 475 (А. Т. Болотов); Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 349 (А. Т. Болотов); Государственный архив Пермского края. Ф. 505 (Лично-биографические документы Болотовых). Оп. 1.
- ² Бердышев А. И. Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры. 1738–1833. М., 1988. С. 32, 99, 108–109, 240–241 и др.
 - ³ Полные тексты записок опубликованы: *Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1738–1795.* СПб., 1871–1873. Т. 1–4.
 - ⁴ Подробнее см: *Козлов С. А. Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года»* / Отв. ред. З. В. Дмитриева. СПб., 2006. С. 6–29, 48–57.
 - ⁵ *Шиманов Н. А.* Из переписки Болотовых о декабристах и А. С. Пушкине // Литературный архив. Материалы по истории литературного и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 273–289; *Лазарев В., Толмачев А.* Андрей Болотов. Письма к сыну (Новые страницы жизни и приключений Андрея Тимофеевича Болотова) // Наше наследие. 1988. № 2. С. 46–55; *Жуковская Т. Н.* Зимние тетради. События зимы 1825–1826 гг. глазами современников // 14 декабря 1825 г. Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 11–28.
 - ⁶ *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 51.
 - ⁷ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 21, 25 об., 27, 27 об., 55.
 - ⁸ *Бердышев А. И.* Андрей Тимофеевич Болотов... С. 239–240.
 - ⁹ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 3 об. — 4.
 - ¹⁰ Там же. Л. 4.
 - ¹¹ Там же. Л. 4 об.
 - ¹² *Болотов А. Т.* Записки Андрея Тимофеевича Болотова... Т. 3. С. 1196–1197.
 - ¹³ *Метастазιο П. А. Д.* Остров необитаемый. Комедия в одно действие / Переведена вольно с французского, следуя и опере г. Метастазия, и комедии г. Кольлета. СПб., 1769.
 - ¹⁴ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 18.

References

- BERDYSHEV A. I. *Andrej Timofeevich Bolotov — vydayushchij deyatel' nauki i kul'tury. 1738–1833.* [Andrei Timofeievich Bolotov — an eminent researcher and scholar. 1738–1833. In Russ.] Moscow, 1988.
- BOLOTOV A. T. *Zapiski Andreyja Timofeevicha Bolotova. 1738–1795.* [Notebook of Andrei Timofeievich Bolotov. 1738–1795. In Russ.] St Petersburg, 1871–1873. T. 1–4.
- KOZLOV S. A. *Russkaya provinciya Pavla Bolotova: “Nastol’nyj kalendar’ 1787 goda”* [The Russian Province in the “1787 Desk Calendar” of Pavel Bolotov. In Russ.] / Executive editor Z. V. Dmitrieva. Saint Petersburg, 2006.
- LAZAREV V., TOLMACHEV A. *Andrej Bolotov. Pis'ma k synu (Novye stranicy zhizni i priklyuchenij Andreyja Timofeevicha Bolotova).* [Andrei Bolotov. Letters to Son (New Pages from Life and Adventures of Andrei Timofeievich Bolotov). In Russ.] // *Nashe nasledie.* 1988. N 2. S. 46–55.
- MARASINOVA E. N. *Psihologiya ehliny rossijskogo dvoryanstva poslednej treti XVIII veka.* [Psychology of the Russian Gentry Elite in the Last Third of the 18th Century. In Russ.] Moscow, 1999.
- METASTASIO P. A. D. *Ostrov neobitaemyj. Komediya v odno dejstvie. Perevedena vol'no s francuzskago, sleduya i opere g. Metastaziya, i komedii g. Kol'leta.* [Uninhabited Island. Comedy in one act. Liberal translation from French based on Metastasio's opera and Kollet's comedy. In Russ.] St Petersburg, 1769.
- SHIMANOV N. A. *Iz perepiski Bolotovyh o dekabristah i A. S. Pushkine* [From the Correspondence between the Bolotovs about the Decembrists and A. S. Pushkin. In Russ.] // *Literaturnyj arhiv. Materialy po istorii literaturnogo i obshchestvennogo dvizheniya.* Moscow; Leningrad, 1938. T. 1. S. 273–289.
- ZHUKOVSKAYA T. N. *Zimnie tetradi. Sobytiya zimy 1825–1826 gg. glazami sovremennikov* [Winter Notebooks. Events of the Winter of 1825–1826 in the Eyes of Contemporaries. In Russ.] // 14 dekabrya 1825 g. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. St Petersburg, 1997. Vyp. 1. S. 11–28.

Список литературы

- Бердышев А. И.* Андрей Тимофеевич Болотов — выдающий деятель науки и культуры. 1738–1833. М., 1988.
- Болотов А. Т.* Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1738–1795. СПб., 1871–1873. Т. 1–4.
- Жуковская Т. Н.* Зимние тетради. События зимы 1825–1826 гг. глазами современников // 14 декабря 1825 г. Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 11–28.
- Козлов С. А.* Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года» / Отв. ред. З. В. Дмитриева. СПб., 2006.
- Лазарев В., Толмачев А.* Андрей Болотов. Письма к сыну (Новые страницы жизни и приключений Андрея Тимофеевича Болотова) // Наше наследие. 1988. № 2. С. 46–55.
- Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999.
- Метастазю П. А. Д.* Остров необитаемый. Комедия в одно действие / Переведена вольно с французского, следуя и опере г. Метастазия, и комедии г. Кольета. СПб., 1769.
- Шиманов Н. А.* Из переписки Болотовых о декабристах и А. С. Пушкине // Литературный архив. Материалы по истории литературного и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 273–289.

**Д. З. Дмитриева, С. А. Козлов. «Движение повсюду и перемена ужасная!»
Письма П. А. Болотова А. Т. Болотову 1796–1797 гг.**

В статье рассмотрено эпистолярное наследие Павла Андреевича Болотова (1771–1850), что позволило день за днем проследить частную жизнь в контексте эпохи, увидеть мир человека «изнутри», понять смысл, которым он его наполнял: душевные переживания, воспоминания, тревоги и надежды на будущее. Письма П. А. Болотова 1796–1797 гг. покажут становление личности русского дворянина под воздействием провинциальной повседневности и воспитания его отца, Андрея Тимофеевича Болотова, тульского помещика, писателя, паркостроителя, агронома, человека энциклопедических знаний. Переписка П. А. Болотова с отцом началась в 1789 г. после его отъезда в Петербург на военную службу. Однако не пройдет и года, как он получит увольнение и возвратится в Богородицк. В 1796 г. П. А. Болотов поступил ассессором в Тульскую уголовную палату и возобновил переписку с отцом, продолжавшуюся вплоть до 1820-х гг. Публикуемые пять писем П. А. Болотова отцу представляют собой доверительные размышления-исповеди о времени перемен в стране, последовавших после кончины Екатерины II; они затронули Болотовых, круто изменив их судьбы.

Ключевые слова: Павел Андреевич Болотов, Андрей Тимофеевич Болотов, эпистолярное наследие, провинциальное дворянство, екатерининская эпоха.

**Z. V. Dmitrieva, S. A. Kozlov. “Changes all over... and consequences are awful!”
Letters from P. A. Bolotov to A. T. Bolotov written in 1796–1797**

The article presents a study of Pavel Bolotov's (1771–1850) epistolary heritage, which makes it possible to trace the man's day-to-day private life 'from inside' in the context of the era, understand the meaning of his inner world in this context: stressful emotions, reminiscences, concerns and long-run expectations. The letters written by Pavel Andreievich Bolotov in 1796–1797 show how the personality of the Russian nobleman was shaped by small-town daily routine and family upbringing especially his father Andrei Timofeievich Bolotov who was a landlord in Tula, a writer, agronomist and garden designer, a man of encyclopedic knowledge. The correspondence between P. A. Bolotov and his father began in 1789 when the young man went away from home to St Petersburg to go in for military career. However, a year had not passed when he gave up military service and returned to Bogoroditsk. In 1796, P. A. Bolotov took up civil service in the position of assessor in the Tula criminal justice chamber and resumed correspondence with his father, which lasted up to the 1820s. The five letters from Pavel Bolotov to his father are in fact reflections of confidential nature on the time of changes in the country after the death of Catherine II, which affected the Bolotovs' life radically transforming their destiny.

Key words: Pavel Andreievich Bolotov, Andrei Timofeievich Bolotov, epistolary heritage, provincial nobility, Catherine the Great's era.

Дмитриева, Зоя Васильевна — д. и. н, ведущий научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

Dmitrieva, Zoia Vasil'evna — Dr. of Sciences (History), leading scientist, Division of Medieval Russian history of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: zvdmitr@rambler.ru

Козлов, Сергей Александрович — д. и. н, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, член Международной федерации журналистов.

Kozlov, Sergei Alexandrovich — Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the History, Philosophy and Culture Studies Department, Higher School of Technology and Energy, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Member of International Federation of Journalists.

E-mail: sakozl@rambler.ru